

Удивительное богатство образов и мотивов дарит нам русская литература, среди них наиболее любимыми и поэтичными всегда были и остаются образы моря и кораблей. Они являются своеобразными символами вдохновения, морской славы России и высокой мечты, ведь именно лучезарность моря, синева его оттенков, стала основой для богатейшей палитры красок поэтических произведений, связанных с морской тематикой. Поэтам – участникам Первой мировой войны – выпала нелёгкая творческая доля, как и сама трагическая действительность их судьбы. Возвышенный и утончённый талант этих поэтов столкнулся с суровой реальностью политических событий России того времени, мучительными испытаниями войной, а далее, и революцией, поэтому их строки не только произведения высокого искусства, наполненные высочайшим патриотизмом, но и своеобразная летопись того времени, которая имеет не только историческую, но и историографическую ценность.

Одному из первых поэтов России – Александру Блоку (28 ноября 1880, Санкт-Петербург – 7 августа 1921, Петроград) во время Первой мировой войны, а как её называли современники, Великой войны, суждено было быть призванным на службу в инженерную бригаду Всероссийского земского союза в Белоруссии.

Он провёл на фронте семь месяцев. К тому времени Александр Блок уже был сложившимся поэтом. Морская тема пронизывала всё его творчество: ещё в 1898 году, на заре своего поэтического восхождения, петербуржец Александр Блок писал:

Жизнь – как море, она – всегда исполнена бури.
Зорко смотри, человек: буря бросает корабль,
Если спустится мрачная ночь – управляй им тревожно,
Якорь спасенья ищи – якорь спасенья найдёшь...

Но в лиловые сумраки символизма и расцвета высочайшего поэтического воображения Александра Блока суждено было ворваться событиями Русско-японской войны (1904-1905), которая стала неким роковым предзнаменованием событий Первой мировой войны и революции. С детства мечтавший стать моряком Александр Блок тяжело переживал гибель нашей эскадры и русских матросов и офицеров. Так появилось одно из самых загадочных и самых молитвенных стихотворений XX-го века «Девушка пела в церковном хоре...». Без единой географической привязки к месту происходящего само стихотворение, будто огромный и невесомый корабль парит над пластами нашей литературы, являясь своеобразным пением для всех верующих людей. А строки Блока? Они словно проявляют историческую картину тех событий: «О всех кораблях, ушедших в море...» – это и есть тот самый боевой поход военных крейсеров Владивостокской эскадры – «Россия», «Рюрик», «Громобой». А поэтическая строка: «Что в тихой заводи все корабли...», в первую очередь, – успокоение всем, чьи близкие получили ранения или погибли в Цусимском морском бою или сражениях Порт-Артура. И далее упоминание Царских врат, как символа Божественного рая, говорит нам о высоком предназначении стихотворения, его соборности, уносит в истинные православные чаяния и надежды.

Другому значительному поэту начала XX века, тоже петербуржцу Николаю Гумилёву (15 апреля 1886, Кронштадт – 26 августа 1921, под Петроградом) суждено было стать не только участником, но героем Первой мировой войны. В начале Великой войны он пытался отправиться добровольцем на фронт, но его признали негодным к службе из-за косоглазия и хромоты, но он сам выучил-

ся кавалерийской езде, стрельбе с левой руки и добился отправки на Салоникский фронт.

Родившись в морском городе Кронштадте в семье корабельного врача, Николай с детства был окружён морем. Несмотря на то, что ещё в детстве он покинул Кронштадт и уехал в Царское Село, а затем в Тифлис, свежий морской кронштадтский воздух навсегда сделал его поэзию истинно морской. С детства он мечтал о далёких путешествиях и неизведанных странах. Тема моря и кораблей в поэзии Николая Гумилёва достаточно хорошо изучена, поэтому отметим только некоторые основополагающие моменты. Так, в знаменитом стихотворении «Капитаны» перед читателем предстаёт яркий и истинно-поэтический образ моря:

Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса, –
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернёт паруса.

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат.

По воспоминаниям современников Николая Гумилёва всегда влекла опасность, а во время шторма на корабле он будто радовался объятиям мощной морской стихии.

В 1921 году поэт издал свою лучшую книгу стихотворений «Огненный столп», которая внесла в русскую поэзию богатство мужественного стиля, а стихотворение «Заблудившийся трамвай» оказалось подлинным пророчеством кровавых событий предстоящего времени. С определённой степенью литературоведческой смелости хочется высказать гипотезу, что образ заблудившегося трамвая и есть образ корабля – Летучего Голландца на просторах нашей страны, мира и литературы. Опираясь на стихотворение Артура Рембо «Пьяный корабль» в переводе Владимира Набокова (а сам Николай Гумилёв знал французский язык блестяще и, разумеется, был знаком с этим стихотворением в подлиннике), имеет смысл с уверенностью отметить определённые совпадения мотивов:

Был штормом освящён мой водный первопуток.
Средь волн, без устали влачащих жертв своих,
протанцевал и я, как пробка, десять суток,
не помня глупых глаз огней береговых.

Далее у Артура Рембо читаем:

Я знаю небеса в сполохах и глубины,
и водоверть, и смерч, покой по вечерам,
рассвет восторженный, как вылет голубиный,
и видел я подчас, что мнится морякам...

Уж не из этого ль мотива небесных сполохов взлетел в поэзии Гумилёва огненный вихрь, а точнее огненная дорожка заблудившегося трамвая («В воздухе огненную дорожку// Он оставлял и при свете дня...»)? И не является ли мистика появления зелёного цвета («...Зеленная, –...») у Николая Гумилева неким поэтическим продолжением мотива зелёного цвета из стихотворения Артура Рембо («вошла в еловый трюм зелёная вода...»)? Все эти литературные совпадения, конечно же, смело доказывают нам возможность отнести произведение «Заблудившийся трамвай» к теме моря и кораблей в поэзии, ибо этот трамвай-корабль, летящий сквозь времена, становится образом того самого знаменитого Летучего Голландца, о котором и Николай Гумилёв упоминал ещё в цикле стихотворений «Капитаны»:

Но в мире есть иные области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Там волны с блесками и всплесками
Непрекращаемого танца,
И там летит скачками резкими
Корабль Летучего Голландца. (...)

Образу моря и кораблей посвящены строки многих известных поэтов-участников Первой мировой войны: Валерия Брюсова, Сергея Городецкого, Александра Вертинского, Николая Асеева. Но задача автора рассказать в этой статье о морской теме в стихах мало изученных, почти неизвестных поэтов и, к сожалению, несправедливо забытых.

Одним из них является потомственный дворянин, поэт, офицер Русской Императорской армии, принимавший участие в попытках спасения Царской семьи – Павел Булыгин (4 февраля

Павел Булыгин
в старших классах
Владимирской гимназии.
1914–1915 гг.

Лейб-гвардии Петроградского полка подпоручик
П.П. Булыгин.
Конец 1916 г.

1896, Владимирская губерния – 17 февраля 1936, Парагвай). Окончив шесть классов Владимирской гимназии, он поступил в Александровское военное училище в Москве, а в 1916 году начал службу в лейб-гвардии Петроградском полку. За боевые заслуги в Первой мировой был

награждён орденом Св. Анны 4-ой степени с надписью «За храбрость». В 1918 году он, возглавив небольшой отряд, предпринял безумную и неудавшуюся попытку спасти Государя Императора и его семью из екатеринбургского плена. В дальнейшем, получив распоряжение вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны, находящейся в Крыму, он отправился через Чёрное море, Турцию, Грецию, Францию, Англию, Красное море, Индийский океан, Японию, Владивосток – в ставку адмирала А. В. Колчака для выяснения истинного положения царской семьи. Потрясающим ярким примером русского стихосложения встают перед нами строки поэта об этой экспедиции:

Я видел тайфун на Амурском заливе,
Я знаю печальный Цусимский пролив,
Грозу у Цейлона, светящийся ливень,
И волн Океана разгневанный взлив.

Но Чёрное море в капризах коварней, –
Твердят моряки с незапамятных пор,
Я помню и снежную вьюгу у Варны,
А после – горячий закатный Босфор.

Всю ночь ураган, как разгневанный мститель,
Ревел голосами, по птичьим свистел,
В волну зарываясь, дрожал истребитель
И на бок ложился, и тяжко скрипел. (...)

Павлу Булыгину суждено было продолжить свою жизнь в эмиграции: в Берлине, затем в Эфиопии, Парагвае. Одно из своих стихотворений он закончил на очень грустной ноте:

(...) И вспоминаю Гумилёва...
Что ждёт, скрываясь впереди?
Когда-нибудь вернусь я снова,
– Теперь же, жизнь, меня не жди!

Следующий поэт – участник Первой мировой войны, открывший тему моря с точки зрения русской эмиграции, Иосиф Каллиников (1 января 1890, Орловская губерния – 4 мая 1934, Теплице, Чехословакия). В 1916 году, в возрасте 26-и лет он был призван в армию и направлен в военное училище, а далее, в 1918, оказавшись на стороне Белой армии, был эвакуирован из Новороссийска в Египет. Поэтому ему тема моря открылась, если можно так сказать, с другой стороны, с другого берега. В 1920 году в Каире Иосиф Каллиников написал стихотворение в редкой в наше время форме триолета:

Давно-давно за синей далью
В волнах уснули корабли!..
Покрылось море лунной сталью
Давно-давно за синей далью.
И бледной звёздной вуалью
Укрылись призраки земли:
Давно-давно за синей далью
В волнах уснули корабли.

В 1921 году с глубочайшей грустью о России, оставшейся за морем, он писал ностальгически:

Улетели на север вчера журавли.
Бесконечную в небе плывя вереницей,
В край далёкой, далёкой родимой земли,
Где на серые пажити радость ложится.

В море ветер кренил к берегам паруса;
День был серый, туманный и пасмурно влажный,
И растаяла в небе седом полоса –
Только слышен был клёкот зовуще-протяжный.

Образ моря стал символом той безысходности жизни, разлучившей поэта с родною Россией. Свою смерть он стал ожидать как избавление от непосильной и мучительной грусти пребывания в

изгнании. В стихотворении «Перед смертью моей не завоюет пёс...» он писал:

Только мутная ночь колыхнёт скелет
И всплеснёт онемелой рукой,
Чтоб никто не узнал, сколько долгих лет
Дожидал я блаженный покой.

Море и корабли принесли также непреодолимую тоску и боль о родных степях другому поэту-участнику Первой мировой войны, донскому казаку Николаю Турурову (30 марта 1899, станица Старочеркасская – 23 сентября 1972, Париж). Он родился в семье потомственного донского казака. В 1914 году добровольцем вступил в Лейб-гвардии Атаманский полк, а после событий октября 1917 года вернулся на Дон и в отряде есаула Чернецова сражался против красных. А затем, получив ранение, на одном из последних пароходов врангелевской эвакуации покинул Крым. Впоследствии ему удалось также вывезти во Францию музей своего

родного Атаманского полка, историей которого, как и всего донского казачества, он занимался в Париже в долгие годы эмиграции.

В своих стихах Николай Туруров постоянно возвращался к отчему дому и родной земле, а образ моря приобрёл в его поэзии потрясающий трагичный колорит, став документальным свидетельством происходящих событий 1920-го года:

(...) И запомнил и помню доньне
Наш последний российский ночлег,
Эти звёзды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий свет.

Стерегло нас последнее горе
Среди снежных татарских полей,
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.

Так истинный трагизм жизни, расставание с любимой Россией вошли в стихотворную палитру нашей отечественной литературы с совершенно необычным и подлинно реальным образом ноябрьского ледяного Понтийского (Чёрного) моря и ледяных кораблей.

Они стали уже не заоблачным отвлечённым символом стремления страждущей души в мир познания, а символом уходящей царской России и началом её русской Голгофы, которая потом обернулась жесточайшими событиями расправы над церковью, крестьянством, казачеством и интеллигенцией. Всякое подлинное искусство символично, считали Александр Блок, Андрей Белый, Николай Бердяев. Последний писал, что он полностью солидарен с символистами в понимании символа, как основы любого искусства и символа как его высшей ступени (Н. Бердяев «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», 1916 год). Таким образом, получилось, что образы моря и кораблей стали своеобразными историческими и литературными символами трагизма той эпохи, теми ипостасями, которые наполняли горечь и тоску русской души. Из мира реального они полностью ушли в мир запечатлённых образов и вернулись к нам на волнах возрождаемой памяти о поэтах-участниках Первой мировой войны.

Николаю Туроверову суждено было умереть в 1972 году в Париже. Он похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, но его останки в ближайшее время будут перезахоронены на родной донской земле, согласно завещанию поэта.

Арсений Несмелов, настоящая фамилия Митропольский (20 июня 1889, Москва – 6 декабря 1945, Приморский край) – поэт тоже тяжелейшей судьбы, автор глубоких и пронзительных стихотворений и поэм, участник Первой мировой войны. Он родился в 1889 году в Москве в семье статского советника, окончил Кадетский корпус. За боевые заслуги на сражениях Западного фронта в составе 11-го Гренадерского Фанагорийского полка, был награждён четырьмя орденами. В 1918 году он примкнул к Белому движению и с армией Колчака отступал через Сибирь, а в 1924 году оказался в эмиграции в Харбине². Его поэтическое наследие – это

² Демобилизован по ранению 1 апреля 1917 год в чине подпоручика, вернулся в Москву. Находился под следствием как секретный сотрудник охранного отделения, но был оправдан. В начале ноября 1917 года (н. ст.) принимал участие в борьбе с большевиками в Москве. Через несколько недель уехал из Москвы на Урал, добрался до Кургана, позже — до Омска, где присоединился к войскам Верховного главнокомандующего А.В. Колчака; был адъютантом коменданта Омска полковника Василия Катаева. Вместе с войсками генерала В. Каппеля отступал до Читы. В начале весны 1920 года оказался во Владивостоке, где занялся журналистикой и литературной деятельностью. В мае 1924 года перешёл советско-китайскую границу, поселился в Харбине. Член Всероссийской фашистской партии, по заказу которой написал сборник публицистических стихов «Только такие» и поэму «Георгий Семена», изданные под именем «Н. До-

шесть книг, последняя из которых называется «Белая флотилия» (1942 год).

Во многих стихах Арсения Несмелова ясно слышится напевность Александра Блока, так в его стихотворении «О России» мы явно угадываем некоторую переключку со стихотворением «Россия» Александра Блока:

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние, растёт.
Уж лиц не различить на пароходе.

Лишь взмах платка и лишь ответный взмах.
Басовое взывание сирены.
И вот корма. И за кормой – тесьма
Клубящейся, всё уносящей пены. (...)

Пойдёмте же! Не возвратится вспять
Тяжёлая ревущая громада.
Зачем рыдать и руки простирать?
Ни призывать, ни проклинать не надо.

Далее Россия сравнивается с четырёхтрубным гигантом, военным крейсером, на котором тоскует в изгнании поэт. В каком-то смысле он чувствует себя моряком без гавани, как он напишет в стихотворении «Морелюбы».

Но потрясающим по силе эмоционального воздействия и глубине патриотизма остаётся стихотворение Арсения Несмелова «Тральщик “Китобой”» о небольшом сторожевом судне или тральщике, спущенном на воду в 1907 году в Санкт-Петербурге. Пройдя Первую мировую войну и последующие события под Андреевским флагом, в 1920 году он покинул воды Балтийского моря и отправился через Ревель и Копенгаген на поддержку Белого флота. В европейских водах ему был предъявлен ультима-

---

зоров». С 1941 г. – курсант вечерних курсов политической подготовки при разведывательной школе в Харбине, где имел псевдоним «Дроздов». По окончании курсов зачислен официальным сотрудником 4-го, а затем 6-го отдела Японской Военной Миссии, где работал до занятия Харбина Красной Армией в 1945 году. В августе 1945 года арестован и вывезен в СССР. Умер от инсульта 6 декабря в пересыльной тюрьме в Гродекове (ныне посёлок Пограничный в Пограничном районе Приморского края). Цит. по: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D1%81%D0%BC%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2,%D0%90%D1%80%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (Прим. ред.)

тум спустить Андреевский флаг, так как этот флаг уже не признавался Англией и Данией, но командир корабля этого не сделал, заявив, что без боя он «Китобой» не сдаст. Благодаря поддержке вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны, находящейся в то время в Копенгагене, конфликт удалось уладить, и английский контр-адмирал Кован, взошедший на борт «Китобоя» произнёс потрясающие слова: «Я надеюсь, что каждый морской офицер в подобном положении поступил бы столь же доблестно, как это сделали вы».

Арсений Несмелов

Заботами Марии Фёдоровны корабль был снабжён провизией и углём и отправился дальше, обогнув всю Европу, в Севастополь на поддержку Белого флота, добравшись туда только 15 ноября 1920 года в разгар эвакуации армии из Крыма, в которой и принял участие. В печально знаменитую Бизерту, куда прибыла Русская эскадра, состоящая из четырёх отрядов кораблей, тральщик «Китобой» в составе третьего отряда с честью вошёл с Андреевским флагом. Благодаря документальному стихотворению Арсения Несмелова об этом небольшом военном судне, так и не спустившим Андреевский флаг, мы теперь доподлинно знаем эту историю. Она особенно пронзает наши сердца, когда Андреевский флаг Российского флота с честью снова является знаменем наших кораблей, и молодые моряки, принимая присягу, именно ему отдают все воинские почести. Таким образом, в русской эмигрантской поэзии к теме моря и кораблей можно с достоинством отнести и стихотворение Арсения Несмелова «Тральщик “Китобой”»:

(...) И с волною невысокой споря,
С чёрной лентой дыма за трубой, —
Из-за мола каменного, с моря
Входит в гавань тральщик «Китобой».

Ты откуда вынырнул, бродяга?
Зоркий цейс ответил на вопрос:
Синий крест Андреевского флага
Разглядел с дредноута матрос. (...)

Странный гость! Куда его дорога
Можно ли на рейд его пустить?
И сигнал приказывает строго:
«Стать на якорь. Русский флаг спустить».

Якорь отдан. Но, простой и строгий,
Синий крест сияет с полотна;
Суматоха боевой тревоги
У орудий тральщика видна.

И уже над зыбью голубою
Мчит ответ на дерзость, на сигнал
«Флаг не будет спущен. Точка. К бою
Приготовьтесь!» — Вздрогнул адмирал.

Он не мог не оценить отпора!
Потопить их в несколько минут
Или?.. Нет, к громадине линкора
Адмиральский катер подают!

Понеслось. И экипаж гиганта
Видел, как взойдя на «Китобой»,
Заклучил в объятья лейтенанта
Пристыжённный адмирал седой.

Вот и всё. И пусть столетья лягут,
Но Россия не забудет, как
Не спустил Андреевского флага
Удалой моряк!

Раскрывая тему моря и кораблей в поэзии участников Первой мировой войны, нельзя оставить без внимания потрясающие, наполненные любовью к морю, поэтические строки Валентина Катаева (28 января 1897, Одесса – 12 апреля 1986, Москва). Он вошёл в литературу именно как поэт, но потом проза оттеснила его поэтический талант на второй план. Однако сегодня, сквозь призму прошедшего времени, в его стихотворениях мы начинаем видеть истинную литературность, которой ранее не придавалось особого значения.

Валентин Катаев родился в Одессе, на берегах Чёрного моря, а с началом Первой мировой войны добровольцем ушёл на фронт,

несколько раз был ранен, отравлен газами. За храбрость был награждён двумя Георгиевскими крестами и орденом Св. Анны 4-ой степени. На всю жизнь он сохранил верность морской тематике, неслучайно его завершающей литературной эпопеей стала книга с названием «Волны Чёрного моря», включившая в себя знаменитую повесть «Белеет парус одинокий». Удивительными образами кораблей и прибрежной красоты морского пейзажа наполнены его ранние стихи о море. Так, во время ранения на румынском фронте Первой мировой он писал в стихотворении «Ранение»:

От взрыва пахнет жжёным гребнем.
 Лежу в крови. К земле приник.
 Протяжно за далёким гребнем
 Несётся стоголосый крик.
 Несут. И вдалеке от боя
 Уж я предчувствую вдали —
 Тебя, и небо голубое,
 И в тихом море корабли.

Удивительно широко и живописно раскрыта им морская тема в стихотворениях: «Крейсер», «Слепые рыбы», «Шторм», «Зелёным сумраком повеяло в лицо...», «Аральское море» и других. Цитируем стихотворение «Крейсер»:

Цвела над морем даль сиреневая,
 А за морем таился мрак,
 Стальным винтом пучину вспенивая,
 Он тяжко обогнул маяк. (...)

И длилась ночь, пальной встревоженная,
Заворожённая тоской,
Холодным ветром замороженная
Над гулкой тишью городской.

Цвела наутро даль сиреневая,
Когда вошёл в наш сонный порт
Подбитый крейсер, волны вспенивая,
Слегка склонясь на левый борт.

Теперь, когда история Первой мировой войны постепенно перестаёт быть для нас своеобразным белым пятном в отечественной историографии, мы начинаем понимать смысл многих стихотворений морской тематики того времени. Стихотворение «Крейсер» написано в 1915 году явно о крейсере на Чёрном море, именно в то время, когда наш Российский флот постепенно начал приобретать решающее значение в сражениях Первой мировой войны. В развернувшихся боях у берегов Босфора Императорский флот России начал одерживать победы, прорываясь к выходу в Средиземное море. В 1916 году удалось блокировать гавань у берегов Анатолии, и, как впоследствии писал Уильям Черчилль о роли России в Первой мировой войне, хуже всего судьба обошлась именно с ней. Российская Империя уже почти держала победу в руках, когда её корабль пошёл ко дну, сражённый событиями Октябрьской революции. Далее, как свидетельствует история, последовали события заключения Брестского мира.

Что касается истории русской поэзии того периода, то можно смело подчеркнуть её особую уникальность и историзм, и этой статьёй присоединиться к процессу возвращения в мир литературы светлых имён поэтов-участников Первой мировой войны.

Но тема моря продолжается и звучит во многих стихах современных поэтов. Закончить этот краткий обзор мне хотелось бы своим стихотворением «На ледоколе» о морских просторах Балтики, Финском заливе и родной петербургской гавани, которая, как и сама жизнь, может быть не только лучезарной и приветливой, но и несущей испытания нелёгким климатом нашей северной столицы:

Когда в пути застывшая вода
Не будет сном, печалью иль отрадой,
Иль самой дерзкой трудною преградой,
Где острых льдин взлетевшая гряда!

Там на тяжёлой сдавленной волне,
Забывшей мир своей строптивой роли,
Проходишь ты на синем ледоколе
И видишь море в зимней тишине...

Но честь тебе – в вечернем караване,
Когда уже на небе тусклый свет
Далёких звёзд и призрачных планет,
Войти в Залив среди низкого тумана,

Чтобы своей рукой воспламенить
Холодный мрак созвездья Ариадны,
Ведь у неё спасительная нить –
Наш горизонт... и лоцмана команда!

БИБЛИОГРАФИЯ

А.А. Блок, Собр. соч. в 6-то томах, Ленинград, 1980–83 г.

Н.С. Гумилёв, Стихотворения и поэмы, Ленинград, 1988 г.

Поэты Первой мировой войны. Антология, Санкт-Петербург,
2017 г.

Журнал «Военная быль», № 107, Париж, 1970 г.

Молитвы заменив стихами, Поэтический сборник, Санкт-Петербург, 2016 г.

Санкт-Петербург